

Георгий Гачев: узнавание общих истин

© 2020 И.В. Капитонов

*Капитонов Иван Владимирович, кандидат исторических наук,
директор Саранского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Председатель Общественной палаты Республики Мордовия.
E-mail: ranhigs13@mail.ru*

Аннотация. В эссе автор размышляет о творчестве Г.Д. Гачева, его философствовании в жанре «жизнемыслей». Опираясь на дневниковые записи Гачева о его встречах с Бахтиным, автор пытается осмыслить роль и значение бахтинских идей в русской культуре.

Ключевые слова: Г.Д. Гачев, М.М. Бахтин, философия XX века, размышление, воспоминания.

*Новых мыслей в мире нет: все уже кем-то когда-то
высказаны, и что «новое есть хорошо забытое старое» –
это общее место, это все «знают». Тем труднее и важнее
работа узнавания открытой когда-то им общей истины –
в новых текстах и непредвиденных случаях жизни. О, это
нелегко!*

Георгий Гачев

Я понял, что меня особо притягивает в творчестве Георгия Гачева: он ввел в оборот, как минимум, два понравившихся мне им изобретенных слова – «исповесть» и «жизнемысли». То, что они пока не сильно прижились, объяснимо, прежде всего, тем, что нам нравится, по преимуществу, только то, что мы «изобретаем» сами.

Прочитал (сейчас пересчитаю) восемь его книг, дающих достаточно полное представление о нем как об авторе, философе, человеке. Больше всего мне понравились его работы о себе самом. Те самые «исповести» (исповедь плюс повесть) и «жизнемысли» (тут и добавить нечего). Даже если Гачев пишет о конкретной теме или задаче, все равно самое интересное там – отвлеченные от основного текста размышления о жизни, природе и сути творчества, собственных переживаниях по поводу и без. Самое замечательное – когда тебя ничто «не колышет», а мысли тут как тут. О чем угодно – о тяжелой судьбе негров в Соединенных Штатах Америки, о нежном романтическом ветерке, тем не менее вызвавшем обильное соплевыделение.

Капитальный труд философа объемом в 780 страниц – «Национальные образы мира. Центральная Азия». Само название говорит о содержании текста и вдруг... те самые «жизнемысли», точнее – авторский комментарий к тому, что же это такое.

«...О „привлеченном мышлении“, о „жизнемысли“ и „научно-лично-художественном жанре“, в котором работает ныне автор: связывая свое отвлеченное мышление о теоретических проблемах с заговзтками своей быстротекущей жизни, отчего мышление естественно стало выливаться в форму духовно-жизненного дневника» [7, с. 34].

«Духовно-жизненный дневник»: любое настоящее творчество писателя, ставшее наследием, а не содержимым мусорного ведра эпохи, это именно – духовно-жизненный дневник. Размышления философа о жизни и времени, людях и их поступках: мне нравится именно это. И, конечно же, самокопание автора, его продуманная или произвольная рефлексия. Это интересно не по принципу «событий в чужой спальне», а потому что всегда интересно, что есть в чужой душе (согласно пословице там – сплошные потемки) и сознании другого человека. При условии, что человек...

...вовсе не обязательно, чтобы человек был значительно выше тебя интеллектуально, духовно, нравственно. Хотя и это очень важно и интересно. Не менее интересным бывает человек из ближайшей подворотни, не прочитавший в жизни ничего, кроме «Букваря». У него тоже есть свое понимание мира, и оно бывает почище и содержательнее, чем у многих из нас, записных «интеллектуалов». Правда, очень важно, чтобы его жизненным приоритетом не было ярко выраженное желание оторвать тебе «башку».

Размышления философа о высоком и не очень, светлых и серых сторонах жизни, поступках и словах людей и нелюдей – для меня, повторю, это очень интересно. А уж если ты через очень откровенные и искренние тексты познакомишься с внутренним миром настоящего мыслителя... Серьезная научная работа, какой-то мощный, чуть ли не прорывной труд в известной, а еще лучше неизвестной области познания... Человеку за это деньги платят, зарплату или дивиденды. Тут он при деле, тут он «корыстен». А вот когда душа просит, а то и криком кричит о ярком желании высказаться, а потом действительно нет ни лукавства, ни той или иной выгоды... Вы не верите, что так бывает? Читайте Георгия Гачева и вы поймете – случаются и такие чудеса.

«Жизнемысли – что это такое? Читатель „Литературной газеты“ Д. Н. Фисенко из Ленинграда в отклике на мою статью „В погоне за жар-птицей мысли“ (1983, номер 37) писал: „...Наблюдается какая-то дистрофия (если не атрофия) творческого воображения, этакая избыточная дисциплинированность, поведения в священном (но ведь действующем) храме культуры. Можно ли считать служителем его людей, имеющих за плечами лишь (пусть и огромный) рюкзак эрудиции? Хотелось бы видеть из-под него и самого обладателя (его манеру пользоваться содержимым), а не просто поставщика сего достояния”. И меня это всю жизнь мучило: что во фрак и во фрунт – лишь так этикет повелевает в культуру входить. А что если расстегнуть культуру? Вовлечь набранное образование – в делание моей жизни и решение ее повсеминутных ситуаций и загвоздок?.. Так и родилось во мне мышление в жанре “жизнемысли”. Оно – не отвлеченное, абстрактное, а – “привлеченное”: к ответственности передо мной (и каждым) – как человеком живущим. Низвести, очеловечить сюжеты культуры, вывести их из ученой самозамкнутости, привить древо познания к древу жизни. При этом заново и освеженно переживаются и передумываются темы и проблемы высокой культуры... Акт узнавания и осуществляется в жизнемысли» [2, с. 111].

Цитата, конечно, большая, но «подрезать» ее мне так и не удалось. Да, если честно, не очень и хотелось. По уму-то, она еще на пару абзацев должна быть больше...

Георгий Гачев – не родоначальник нового жанра. Интересных авторов «жизнемыслей» довольно много: от античных мыслителей до Монтеня с его «Опытами» и Василия Розанова с его коробами «Опавших листьев». Однако такой уровень открытости, как у Гачева, я встречал только дважды – у Руссо в его «Исповеди» и у Пабло Неруды в автобиографической книге «Признаюсь: я жил». Только, по-моему, философ пошел еще дальше: Гачев делает это образнее и откровеннее, и, извините за это слово, интереснее.

Уверен, что даже Георгий Дмитриевич, при высочайшем уровне внутренней свободы, сказал далеко не все, что хотел. Оно и правильно: иногда недосказанность красноречивее всего произнесенного. К тому же, не случайно в каждом автомобиле существует очень серьезная тормозная система: высокие скорости, мало ли чего. И вообще, техника безопасности в автомобилестроении занимает все более важное место.

Ни одна эпоха не бывает в достаточной мере свободной. Как бы мы не носились со «свободой слова», в какие бы конституции ее не вписывали, ее не было и нет: ни в советское время, ни постсоветское, ни какое-либо другое. Причем, это касается не только наших «заснеженных палестин», но, как не скажет чапаевский Петька, – «...и в мировом масштабе».

Тем не менее Георгий Гачев показал нам пример свободы – мысли, духа, творческого полета. Возможно, когда-нибудь найдется титан, способный пойти дальше. Нам же, простым обывателям, «премудрым пескарям» Салтыкова-Щедрина важно хотя бы приблизиться к его уровню.

Размышляя о Георгии Гачеве, невозможно не вспомнить имя Михаила Бахтина. Ведь именно приезд в 1960-м году в провинциальный Саранск к преподавателю местного университета трех молодых сотрудников Института мировой литературы им. А.М. Горького и ввел в итоге в мировую литературу имя Бахтина. Так что заслуга В. Кожина, С. Бочарова и Г. Гачева в том, что творчество Михаила Михайловича звучит так, как того заслуживает, – высочайшая, и не сказать об этом просто невозможно.

Имя Бахтина встречается во многих работах Гачева. В книге «Русская дума: портреты русских мыслителей» есть отдельный очерк о нем. Однако мне хотелось бы остановиться на книге «Семейная комедия: Лета в Щитове». Жанр книги сам автор определил как «исповедь». Да, очень похоже.

Предыдущая запись в этой книге помечена датой «20.05.70». Значит, где-то в эти дни состоялась встреча, о которой сделана следующая запись: «Вчера у Бахтиных были (в доме для престарелых в Гривне). Он будет работу писать: “Гуманитарные науки как формы преодоления чужого слова”. Ведь данные гуманитарных наук – материал с чужого слова: свидетельства, записи историков, тексты художественных произведений, идеи, теории, а не прямо контакт с вещью и фактом и событием. И потому гуманитарные науки выстраивают системы уточнений, критики, снятия чужого слова. Я на это откликнулся: потому и перехожу к естествознанию, чтоб, если и опять не прямо подходить к вещи, то хотя бы посредством другого языка знаков, и тем от Слова освободиться и его деспотизма в мировоззрении и понимании – но ведь и там все описания и фиксации словесны, – Бахтин сказал. – Сами от этого страдают» [2, с. 129–130].

Из этой цитаты я понял главное: мы, если задуматься, формируемся и живем, и действуем... с чужого слова. Родителей, учителей, различного рода наставников – от собутыльников до писателей с мировым именем. Похоже так...

Георгий Гачев пишет слово «Слово» с большой буквы. Пожалуй, надо взять с него пример. Не уверен, что это соответствует законам правописания (или «чистописания»), но очень точно по смыслу. Помните библейское: «Сначала было Слово. И слово было у Бога. И слово было Бог». У слов, как и у людей, есть своя иерархия. Можно выделить особо значимые слова. Моя классификация-экспромт:

- на первом месте слово – Бог;
- на втором – Любовь;
- на третьем – Слово.

Я еще, вопреки всем рекомендациям, слово «Вселенная» тоже всегда пишу только с большой буквы. Мне кажется, так правильно; не дай Бог, Вселенная обидится...

Очень важна прямая речь – и Бахтина, и любого из живущих. Прямая речь Бахтина – это наша история, культурное наследие нации и эпохи. Не случайно его книги выходят и в серии «Библиотека всемирной литературы». Каждая реплика Михаила Михайловича – составная часть сразу нескольких наук – от филологии до философии. Бывают ли реплики проходными? Бывают. Только не нам их «сортировать». Лучше всего это сделает время.

Гачев: «Бахтин вчера, когда я ему повторял формулу “Форма есть душа вещей”, “конечно, – сказал, – но не те (формы), что человек наносит на природную форму. И машина – нечто другое...” (в смысле с ней этика невозможна?..). – Но тут возникает диалог форм, – воспорил я, – тех, что от природы, и тех, что от человека, – сюжеты между ними и коллизия... Так что, чем форма, что от человека, – не форма и не душа? Не равномошна и не равнодушна форме – душе от природы?...» [2, с. 133].

Спорить с самим Бахтиным – по делу или без оного – это подарок судьбы. Однако таких счастливиц не так уж и мало. Оглянитесь – не «во гневе», а просто вокруг себя – и вы увидите большое количество талантливых людей. Остается малость – протянуть руку, улыбнуться и... внимательно слушать, а если есть возможность – подробно записывать. Наши реплики тоже допустимы, а то и вовсе необходимы: надо же гениям от чего-то зажигаться, в том числе – от возмущения услышанным.

Тут еще одну реплику можно бросить, правда, озвученную в этой жизни уже не одну сотню раз: «Если ты достаточно умен, то будешь внимательно слушать; а если с мозгами не очень – начнешь болтать без умолку. В том числе – письменно».

Как же нам удержаться и не сболтнуть что-нибудь лишнее. Грань между необходимым и бесполезным не столь очевидна. Об этой встрече Гачев сделал еще такую запись: «Я показал Бахтиным книгу Эдуарда Шюре “Великие посвященные”, издания 1895 г., что мне тогда дали – просвещать меня в теософии, полагая, что она в них вызовет отклик. Елена Александровна повертела, узнала, улыбнулась: да, прошли они в свое время через это, через все эти “эзотеризмы”, теософии... “Но ведь это все – второй сорт!” – сказал Михаил Михайлович. “– А что тут – первый сорт?” – спросил я. Он, подумав: “В этой литературе вообще нет первого сорта”» [2, с. 133]. А у нас сейчас литература подобного рода идет за «высший сорт». Ее полно не только в книжных магазинах, но и на наших книжных полках. На моих – точно. Та же Блаватская,.. но не будем противоречить Бахтину.

Рассказ об этом визите к Бахтину начинается со слов: «Вчера у Бахтиных были». Кто это – «были»? Возможно – Кожинов, Бочаров, Гачев? Возможно, Гачев со своей супругой – Светланой Семеновой, замечательным филологом и литературоведом. Это не так важно. Гораздо важнее, что Бахтины были «навещаемы», а не забыты. Нужно ли толпиться около мыслителя с утра до вечера? Нет, иначе ему некогда будет мыслить. Однако очень важно создавать у человека, живущего в «доме престарелых» ощущение или иллюзию «присутствия». Общение требуется в любом возрасте, а старикам – тройне. Понятие «круг общения» говорит само за себя – какое-то число собеседников просто необходимо.

Гачев пишет и о том, что ему самому дают эти встречи. Это ведь не только «визиты вежливости», это продолжение образования: не системного, но глубокого, настоящего.

Запись от 11.06.1970 г.: «Когда у Бахтина с Бочаровым были и заговорили о ком-то, кому внятна “трагедия существования” (слова Блока?), “А я ее чувствую”, – сказал я. Они же – да. Спросил у Бахтина про Рабле: “А он ее понимал?” – “Нет, он – нет”, – Это меня утешило насчет возможности величия (тоже критерий из бытия: переизбыточность, а не от Бога. Величие – вещество, вес... Но и Гете, наверное, неведома трагедия существования. А Пушкину? Да, как раз о нем говорили у Бахтина: что она ему введома) и без причастности к этому чувству... Однако если “величие” иметь пределом, то величие... скорее оно получается, надувание и пыжение... Нет, без благодати ударов “судьбы”, т. е., только своей силой (как, когда в умонастроении и в азарте добычи Истины живешь), не уведаешь» [2, с. 169–170].

«Ударов судьбы» Михаилу Михайловичу досталось более чем: от нахождения в местах достаточно «отдаленных», до отсекаания ноги хирургическими инструментами. Пришел ли Бахтин к мысли, что жизнь – не более чем «трагедия существования»? Ответить однозначно довольно сложно. Пройти через серьезные испытания, не иметь детей – опоры в жизненных баталиях, завершить свои дни в «доме престарелых», – казалось бы, всего этого достаточно, чтобы ответить на поставленный вопрос утвердительно. С другой стороны, для мыслителя любые тернии – материал для размышлений и выводов. Любые обобщения – это по поводу чего-то конкретного. Или абстрактного, если не повезет с конкретными испытаниями.

Еще несомненный плюс – наличие учеников. Сколько их было у Бахтина? Формально – много; все же – преподаватель вуза. Фактически – ?.. Не менее трех – Кожинов, Бочаров, Гачев. Конечно, каждый из них во многом сформировался до встречи с Бахтиным. Однако кто в курсе, тот знает, что учеба не заканчивается с получением искомых аттестатов и дипломов, это – процесс непрерывный. «Зачетная книжка» закрывается одновременно с установлением на кладбище креста в нашу честь, не раньше. Особенно у лучших учеников. Место хранения и заполнения «зачетной книжки» каждого из нас – от прилежного ученика до отпетого троечника – в небесной канцелярии.

Г. Гачев: «8.10.70. **Глубизна** – слово, что родил вчера в разговоре с Бахтиным (к нему ездили). Бочаров рассказывал, какова актриса, игравшая Соню в кино „Преступление и наказание“: по внешнему подобрана, по его мнению, я не согласился и брякнул это слово: “Нет, в ней есть глубизна”. Вот слово для медиации – как коан.

9.10.70. У Бахтина, его Елена Александровна:

– А что, если было бы точно доказано, что есть яд и будет наказание за зло, – ведь тогда бы не стали люди делать зла?

– О, Леночка, но тогда бы и зла не было б (раз нет выбора), и была бы лишь необходимость и никакой свободы – так, примерно, сказал Михаил Михайлович.

– А зачем она, свобода? Лучше добро б было! – Ел. А.

– Тогда бы люди были или ангелы, или звери, – С. Бочаров.

– Тогда бы незачем было и человечеству существовать, ибо все его назначение: среди шаткости выстраивать твердь на свой страх и риск, – подключился я» [2, с. 280].

Гачев любит конструировать новые слова и, главное, умеет это делать: «исповесть» мы уже вспоминали, те же «жизнемысли» и др. Вот теперь – «глубизна». В семидесятом году оно звучало еще ничего, спустя пятьдесят лет – подозрительно. Ухо современного обывателя услышит в нем точно не то, что непроизвольно заложил в него его прародитель.

«Исповесть» состоит из соединения слов «исповедь» и «повесть». Следуя заветам Гачева, можно придумать слово еще более характерное. Многие из работ Георгия Дмитриевича, если не все его литературное наследие, – соединение исповедального текста, т. е. очень личного и дневника, т. е. текста, описывающего не только то, что автор переживает, но и то, что он видит, познает, анализирует. Так вот, если соединить эти два слова – «исповедь» и «дневник», то получится «исподнее», т. е. очень личное, мало кому показываемое. Слово-то, конечно, далеко не новое, значит – это характеристика авторского стиля. И это, несомненно, сильная сторона творчества выдающегося ученого и яркого мыслителя – Георгия Дмитриевича Гачева.

Философ Андрей Александрович Гагаев однажды в разговоре со мной сказал, что, по его мнению, Гачев – самый сильный философ XX в. Спорить с этим утверждением, равно как и безусловно соглашаться, не буду: не так хорошо я и знаю ее – философию XX в. Да, если честно, и не хочется спорить...

Мне всегда казалось, да и кажется, что философ – это волк-одиночка. Скорее всего, все-таки волк, а не заяц или утка. Даже если рядом есть какое-то количество учеников и соратников, философ всегда один. Просто это такое занятие, философия не предполагает бригадного метода, а уж тем более – конвейерного производства. Под обложкой коллективной монографии может разместиться труд нескольких мыслителей, но мыслили они каждый сам по себе, в глуши и одиночестве. Реагирует ли философ на повседневное? В какой-то мере – «да». Однако все же его, в первую очередь, интересуют – вечное, абсолютное, заповедное и неведомое. Двадцатый век еще и не думал завершаться, но Бахтин уже стоял на пороге вечности.

Запись от 19.10.1970 г.: «Когда были у Бахтина, сообщили, что умер Конрад; а несколько до этого – Оксман и т. д. И каково Бахтину – оголен: не остается в его поколении заместителей – кто бы подставил себя вместо него косо. Его очередь на поединок вот...» [2, с. 285].

Наверное, это плохо, когда не остается «заместителей», но их наличие в недалеком прошлом говорит о собственной серьезной научной школе, о серьезных интеллектуальных достижениях, которые останутся и после ухода как исследователей, так и продолжателей.

Есть что-то удивительное в слове, написанном и напечатанном: мыслителя уже нет, а высказанные им мысли живут, иногда столетия. Написанное Бахтиным будет жить если не вечно, то, по крайней мере, до тех пор, пока понятие «русская культура» не станет абстракцией. Бахтин же пока еще, слава Богу, жив и ценен для современников. Не всех, конечно, все-то о нем и не слышали. Однако для узкого круга учеников – несомненно.

«24.10.70. У Бахтина вчера опять были. Когда он передвигался на костылях на обед, понял: да он же слон – так ступает! Как бодхисатва воплощался в благочестивого слона и ему поклонялись, так и мы ходим на поклонение к Бахтину – как к существу иной породы, нежели человек, – ну как был кентавр Хирон, мудрый наставник Ахилла. Так и он – трехногий, круглый, сидит себе, лежит, курит, смотрит и излучает, и через нас себя, как через ворота, выпускает в иные измерения бытия-небытия. А влечение наше к нему, нас, “бхактов” = любящих, –

как пропуск в иные пределы, а точнее – в беспределы. Да... И по имени своему недаром он Михаил Михайлович – русский благой тотем, медведь; и фамилией: “Бах!-тин” он тяжкое и тонкое соединяет (воистину здесь “сестры – тяжесть и нежность”)» [2, с. 286–287].

Да и само творческое наследие Бахтина... Едва ли кто из серьезных исследователей скажет, что книги Бахтина читаются легко, практически «запоем»; с замечательным настроением, от корки до корки. Даже в его книге о творчестве Франсуа Рабле веселого очень мало. Может быть, время, когда она писалась, было не самым веселым, да и едва ли выпавшие на долю Михаила Михайловича испытания сделали его записным весельчаком. Самое главное, что творчество его – настоящее, глубокое, отсюда – и не для всех. Об этом, наверное, и следующая цитата, уже от «13.06.1993» из главы «Четверть века спустя»: «Когда шли на днях с Мишей Капустиным (Михаил Капустин – философ, культуролог – Г. Г.) в ЦДЛ, я о Бахтине на его распрос так понял: “– Бахтин – не писатель: не имел вкуса к уединенному писанию, тексты слагать. Он – царь диалога, беседы, семинара, когда в кругу взыскующих некоего понятия он оживлялся и вел мысль. То-то и написал немного. И в текстах много топтаний, как у лектора. Так же и Мамардашвили – философ: в текстах своих он слабее, чем в представлении устного умозрения, где он как философический маг впечатлял. Их сила – ОПТИКА – особое видение, и они его развивают”» [2, с. 341–342].

Возможно, Бахтин и не имел вкуса к «уединенному», но уединенного в его жизни было более чем достаточно. Да и утверждение о том, что Бахтин – «не писатель», скажем так, очень индивидуально и спорно.

Несколько слов следует сказать о Юрии Селиверстове, авторе широко известного сейчас литографического портрета Михаила Бахтина. В книге Георгия Гачева «Русская дума: портреты русских мыслителей» размещено 26 литографий, посвященных гордости русской, да и мировой литературы. Какие имена: Пушкин, Гоголь, Чаадаев, Тютчев, Достоевский, Федоров, Соловьев, Розанов, Булгаков, Флоренский, Карсавин, Бердяев, Лосев, Бахтин... А началась эта галерея портретов... с Михаила Михайловича. В этой книге есть небольшая статья, посвященная Селиверстову, автор статьи – Валентин Курбатов. Читаем: «Его жизнь (Ю. Селиверстова – И. К.) шла вполне по-московски – летуче, многослойно, порывисто, без внешней логики, а между тем оказалась редкостно последовательна и едина. В свой час судьба привела художника к М. М. Бахтину, чтобы здесь, в беседах о Достоевском однажды родилась идея этой серии портретов. Всегда мощная в художнике тяга к символу подсказала поначалу число мыслителей – двенадцать. Но русская душа плохо уживается с подсказками умозрения. Как только мастер вошел в настоящее сердце национальной мысли, философы, музыканты, поэты... сами стали приходить один за другим, укрепляя и призывая друг друга, чтобы свод был полон и животворен» [1, с. 128].

И все же, лучший портрет из приведенных в книге, – портрет Михаила Михайловича Бахтина. В нем все «говорит» – овал лица, выражение глаз, кисть руки с дымящейся сигаретой. Казалось бы, ну что такое кисть руки философа, кроме того, что он ей пишет? А она у Бахтина (Селиверстова) не менее выразительна, чем лучшие работы мыслителя.

Георгий Гачев, «Русская дума», запись от 08.03.1990 г.: «Вчера был ритуальный вечер у Юрия Селиверстова: 15-летие с кончины Бахтина Михаила Михайловича, и собрались с семи вечера близкопричастные: Кожин Вадим с Леной Ермиловой, Турбин Владимир Николаевич и из его семинара – Ляля Мелихова, Сергей Александров, Галя из Саранска – ныне директор музея Достоевского, я со Светланой. Пришел еще Никита Ильич Толстой, Борис Тарасов и редакторша книги нашей в АПН – Егорова Маргарита с сыном Игорем. А еще молодые ребята с киноаппаратурой – снимать что-то, и мы говорили под светом, потом застолье...» [1, с. 227].

Наверное, где-то есть фильм с этих поминок... Давайте и мы помянем всех, кто этого более чем заслуживает. И не в последнюю очередь – Георгия Гачева и Юрия Селиверстова, сделавших так много... для причисления к «лику святых» русской культуры Михаила Михайловича Бахтина.

Заключение (в стиле Георгия Гачева).

У Александра Твардовского есть одна очень точная мысль: у каждого из нас свой Пушкин. Точно так же у каждого из нас свой Бахтин, свой Платонов, далее везде...

Я периодически прохожу мимо памятника Михаилу Бахтину, установленного в сквере у университета, в котором он долгие годы преподавал. Скульптор Николай Филатов тоже увидел философа по-своему: сидящим в кресле, левая нога на месте, отсутствующая правая прикрыта пледом. Скульптор нашел очень точное решение: одноногий философ будет бить на жалость, а не способствовать высоким обобщениям от увиденного.

У меня тоже свой Бахтин. Я давно уже прочитал основные работы Михаила Михайловича, и они вызвали... скорее смятение, чем восторг. Он показался мне не столько сложным и серьезным, как... не моим.

Время перечитать его творческое наследие. Владимир Маяковский во время одного из своих выступлений услышал из зала крик:

– Нам не нужно Ваше творчество! Мы его не понимаем!!!

На что поэт очень спокойно ответил:

– Ничего, подрастете – поймете...

Может быть и я... когда-нибудь дорасту.

1. Гачев Г.Д. Русская дума: портреты русских мыслителей. М. : Новости, 1991. 272 с.

2. Гачев Г.Д. Семейная комедия: Лета в Щитове. М. : Школа-Пресс, 1994. 346 с.

3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Америка. М. : Раритет, 1997. 677 с.

4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М. : Academia, 1998. 430 с.

5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия. М. : Ин-т ДИ-ДИК, 1999. 367 с.

6. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Кавказ. М. : Издат. сервис, 2002. 412 с.

7. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия. М. : Издат. сервис, 2002. 780 с.

Georgy Gachev: recognition of general truths

© 2020 I.V. Kapitonov

*Kapitonov Ivan Vladimirovich, Candidate of historical sciences,
Director of the Saransk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Chairman of the Public Chamber of the Republic of Mordovia.*

E-mail: ranhigs13@mail.ru

Annotation. In the essay, the author reflects on the work of Georgy Gachev, particularly on his philosophizing in the genre of “life thoughts”. Relying on Gachev’s diary notes about his meetings with Mikhail Bakhtin, the author tries to comprehend the role and significance of Bakhtin’s ideas in Russian culture.

Key words: G.D. Gachev, M.M. Bakhtin, philosophy of the twentieth century, reflection, memories